

УДК 951.04

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-56-64

Ближайшие потомки Ханьпу

В. Э. Шавкунов

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Владивосток, Россия*

Аннотация

В статье анализируется родословная чжурчжэньских императоров, имеющаяся в официальной истории чжурчжэней «Цзинь ши». Выдающийся советский востоковед М. В. Воробьев высказал предположение об искусственной фальсификации списка первых вождей из рода Ваньянь с целью сделать их родословную более древней. Особенно большие сомнения вызывала у М. В. Воробьева реальность персонажей, обозначенных как сын (Улу) и внук (Бахай) Ханьпу. Анализ содержащихся в «Цзинь ши» и других письменных источниках сведений об основателе правящего рода чжурчжэней и его ближайших потомках, а также условий составления этих источников показывает, что факты жизни и деятельности перечисленных в генеалогии персонажей очень логично укладываются в конкретную историческую канву и увязываются между собой. То же самое дают расчеты по средней продолжительности жизни и правления различных представителей рода Ваньянь. На основе этого анализа делается вывод, что родословная чжурчжэньских императоров не фальсифицирована и отображает реальное положение дел в раннечжурчжэньском обществе конца X – начала XI вв. н. э.

Ключевые слова

«Цзинь ши», вожди чжурчжэней, род Ваньянь, родословная, продолжительность жизни

Для цитирования

Шавкунов В. Э. Ближайшие потомки Ханьпу // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение. С. 56–64. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-56-64

Khanpu's Heirs

Vladimir E. Shavkunov

*Institute of history, archaeology and ethnography of peoples of the Far East Fed RAS
Vladivostok, Russian Federation*

Abstract

The article discusses the genealogy of the Jurchen emperors currently available in the official history of Jurchen “Jin Shi”. Outstanding Soviet orientalist M. V. Vorobiev after considering the genealogical tree of the Jurchen emperors’ ancestors suggested the list of the first leaders of the Wanyan clan had been falsified. The purpose of this falsification would have been to make the list longer and therefore ensure the clan was considered to be more ancient than it was. M. V. Vorobiev's biggest reasons for these claims were caused by doubts of the existence of Khanpu’s son (Ulu) and grandson (Bahai) recorded in the list. The main argument for this assumption was the lack of information about any acts of these leaders, as well as the absence of their names in the list of Jurchen leaders in the Korean chronicle of “Goryeo-

© В. Э. Шавкунов, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies

sa". The information contained in "Jin Shi" and other medieval sources report that Khanpu was over 60 years old when he became part of the Wanyan family, subsequently living in and heading the family for a long time afterwards. With an average life expectancy of Khanpu descendants of 50–55 years, and the leaders themselves having been married at about 16–17 years of age, Khanpu's son and grandson waited impatiently for their turn to rule. This is most likely evidenced by the posthumous titles of Ulu and Bahai. Due to this, the annals contain no information about their affairs regarding strengthening the role of Wanyan among Jurchens. The time of the rule of other descendants of Khanpu however clearly fit into the average life expectancy rule. On the basis of this analysis it is concluded that the genealogy of the Jurchen emperors is not falsified and reflects the real state of affairs in the early Jurchen society between the late X – first half of XI centuries AD.

Keywords

"Jin Shi", the leaders of the Jurchen, Wanyan dynasty, genealogy, lifetime, reality of characters

For citation

Shavkunov V. E. Khanpu's heirs. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies, p. 56–64. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-56-64

Выдающийся советский востоковед М. В. Воробьев (1922–1995), рассматривая генеалогическое древо чжурчжэньских императоров, высказал сомнения в его достоверности и предполагал, что «между Ханьпу и Угунаем добавлено четыре явно легендарных персонажа». Сделано это было с целью «возвысить род Ваньянь за счет древности происхождения» и только «начиная с Угуная мы впервые сталкиваемся с реальными персонажами» [Воробьев, 1975. С. 31–32]. При этом основными аргументами исследователя являлись крайне лаконичное изложение событий, касающихся первых пяти вождей рода Ваньянь и отсутствие в летописях дат их жизни и правления [Воробьев, 1975. С. 41]. Дополнительно М. В. Воробьев приводит сведения из корейской летописи «Корёса», в которой игнорируются имена, по крайней мере, трех ближайших потомков Ханьпу [Воробьев, 1975. С. 42]. Еще одним моментом в пользу мнения об искусственном удлинении родословной чжурчжэньских императоров может служить следующее обстоятельство. Угунай (один из вождей немирных чжурчжэней XI в.) считается пятым потомком Ханьпу. Его современник и родственник Чжилихай, вождь чжурчжэней Елани (в Приморском крае), являлся четвертым потомком младшего брата Ханьпу Баохули [Ларищев, 1966. С. 194], с которым они вместе вышли с территории Кореи в поисках лучшей доли. По неофициальной истории чжурчжэней «Да Цзинь го чжи» между Ханьпу и первым императором чжурчжэней Агудой отмечается лишь три поколения вождей [Васильев, 1857. С. 201]. Таким образом, в средневековых письменных источниках, на первый взгляд, набирается достаточно много неясностей и противоречий, которые действительно могут свидетельствовать в пользу мнения о фальсификации родословной чжурчжэньских императоров. Для прояснения этого тезиса следует проанализировать отдельные фразы летописей, а также условия сбора сведений для них.

Первое, что надо учитывать, это время составления самой родословной. Ее начали записывать только в начале XII в. [Воробьев, 1975. С. 41]. Скорее всего, это произошло после 1117 г., когда было приказано сыскать ученых, чтобы составить законы [Окладников, 1959. С. 224]. Причиной, несомненно, стало образование в 1115 г. Золотой империи. После восшествия на престол Агуды, составление списка его предков являлось просто необходимым. Поскольку до 1115 г. такой острой необходимости не было, то и специальных записей, по всей видимости, не велось. Иными словами, составление родословной проводили со слов родственников (ближних и дальних) Агуды, которых у него было великое множество. Некоторые из них, те, кому было около 80 лет, могли застать в живых еще его прадеда Шилу. Кроме того, при силь-

но развитом у дальневосточных народов культе предков, многие из соплеменников Агуды должны были помнить имена и основные деяния более дальних прародителей. Другое дело, что в их памяти более четко и в большем объеме сохранились не далекие по времени, а близкие события, что, собственно, и наблюдается в официальной истории чжурчжэней «Цзинь ши». Поэтому нет ничего удивительного в том, что в письменных источниках сведения полнее о деятельности более близких по времени к Агуде правителей немирных чжурчжэней (Табл. 1).

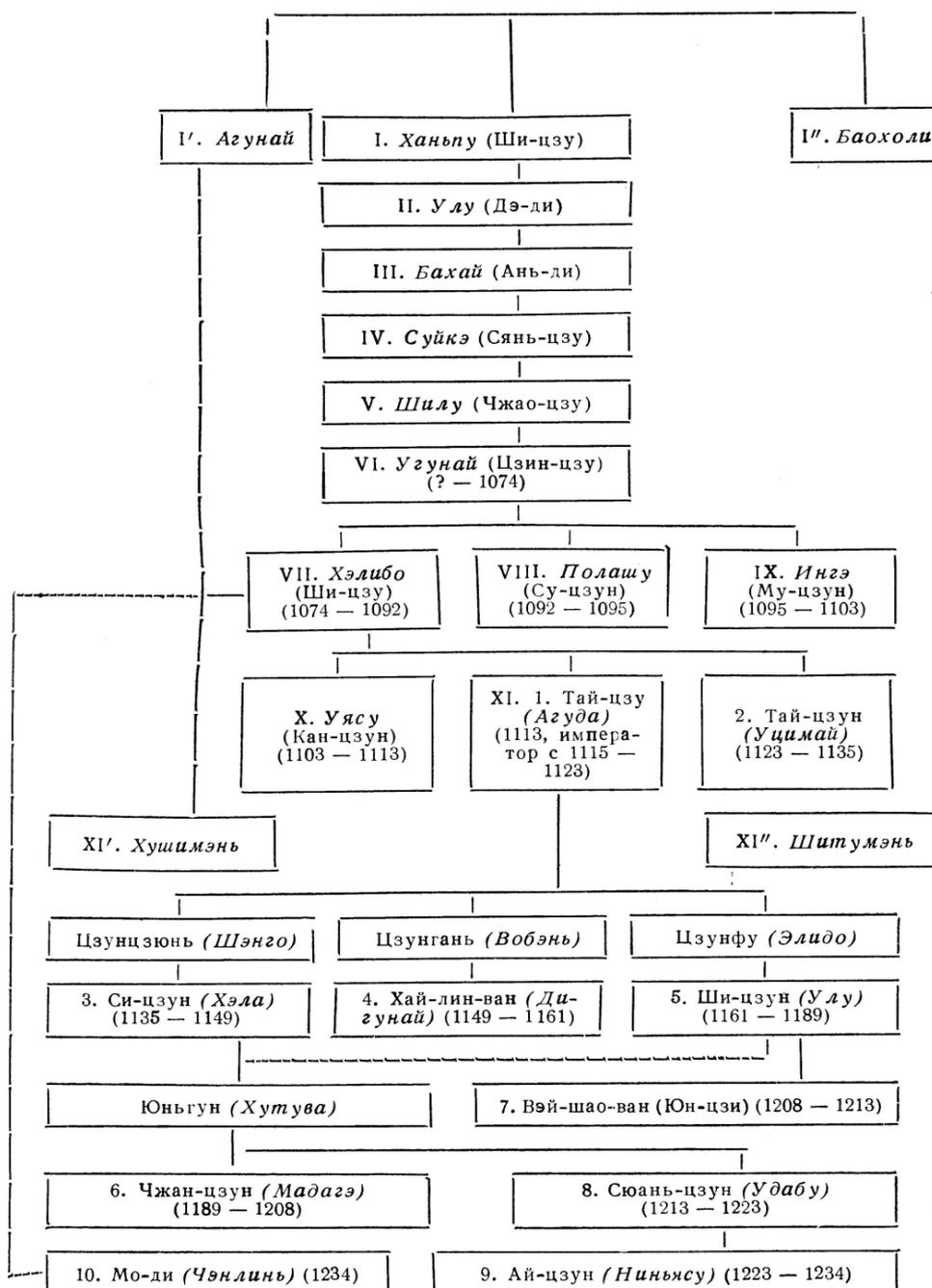
В этом списке исключение составляет лишь первый из зафиксированных предков – Ханьпу, но его влияние на возвышение рода Ваньянь было столь значительным (примирение и объединение двух родов, введение значительной пени за убийство вместо кровной мести), что должно было надолго остаться в людской памяти. Не исключено, что именно перечисленные выше деяния Ханьпу привели к умножению военной мощи рода Ваньянь, а впоследствии и к его доминированию среди немирных чжурчжэней. Объяснение факта отсутствия дат рождения и правления первых вождей дано в самой «Цзинь ши». В ней прямо говорится, что еще во времена правления Шилу (Чжао-цзу) «отсутствовали письменность..., не знали летоисчисления» [Малаякин, 1942. С. 43]. При Угунае уже записывали год и месяц прибытия различных племен [История Золотой империи, 1998. С. 90].

Так же легко может быть объяснено отсутствие сведений о трех вождях немирных чжурчжэней в летописи «Корёса». Запись о предшественниках Агуды отмечена 1115 г., когда чжурчжэни еще только составляли родословную своего первого императора. В Корею она попала несколько позже. Надо отметить, что хроника «Корёса» создавалась в середине XV в., а к этому времени сохранились далеко не все первоисточники и поэтому в ней имеются пробелы, в том числе и по ранней истории чжурчжэней [Воробьев, 1975. С. 14–15]. Кроме того, имена некоторых чжурчжэньских вождей в «Корёса» звучат непривычно и, можно предполагать, что они взяты не из чжурчжэньских или китайских, а из собственных, корейских источников. В них, в свою очередь, главное внимание уделялось корейской истории, а сведения о соседних народах помещались лишь из-за следования древнекитайским летописным традициям, и не обязаны были быть полными. Есть веские основания считать, что фрагмент из хроники «Корёса» вообще изначально составлен не на основе документа, а со слов некоего информатора. Об этом прямо сообщается в хронике, где пассаж о родоначальнике чжурчжэньских вождей начинается с фразы «еще рассказывают». Видимо, этот информатор был не очень сведущ в родословной чжурчжэньских императоров, ибо Угуная он называет не по имени, а по прозвищу (Холо), а Хэлибо считает старшим сыном Угуная. Да и сам Ханьпу там называется по-разному и другими именами [Воробьев, 1975. С. 42]. Есть и иные неточности. Все это не позволяет с большим доверием относиться к данным корейского источника о ближайших потомках Ханьпу. Тем не менее, в летописи «Корёса» также зафиксирован факт выхода основателя императорского рода чжурчжэней с территории Кореи, что подтверждает не мифический, а реальный статус этого персонажа.

Тезис М. В. Воробьева о том, что генеалогия чжурчжэньских императоров искусственно удревнена, также не очень убедителен. Основные сомнения у него вызывают Улу и Бахай – второй и третий вожди в списке предков Агуды, о которых кроме имен и того факта, что они были сыном и внуком Ханьпу, больше ничего не известно. На это можно возразить, что для возвышения рода «за счет древности происхождения» логичней было бы придумать предков Ханьпу, а не вставлять в число его потомков вымышленные имена. Могут вызвать определенные вопросы и храмовые титулы Улу и Бахая, оканчивающиеся иероглифом 帝 *ди* (с комплексом значений «небесный», «божественный», «император», «верховный владыка», «обожествленная душа предка»), в то время как остальные вожди характеризуются иероглифом 祖 *цзу* или 宗 *цзун* («предок», «предшественник») ¹. Но и на это есть вполне логичные возражения.

¹ Автор выражает благодарность А. Л. Ивлиеву за помощь в толковании иероглифов.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ПРАВИТЕЛЕЙ И ИМПЕРАТОРОВ ИЗ ДОМА ВАНЬЯНЬ

Примечание. Римскими цифрами обозначены правители племенного союза, арабскими — императоры Цзинь. Прямым шрифтом приводятся китайские имена, курсивом — чжурчжэньские. I', I'' — правители — сподвижники Ханьпу, XI', XI'' — правители — сподвижники Агуды, вошедшие со своими владениями в государство Цзинь. Непрерывная черта обозначает прямое родство, пунктир — отдаленное.

Генеалогическая таблица правителей и императоров из дома Ваньянь (по: [Воробьев, 1975. С. 383])

Genealogical table of rulers and emperors of Wanyan clan (after: [Vorobiev, 1975. p. 383])

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies

По официальной истории чжурчжэней, Ханьпу было больше 60 лет, когда он переместился с берегов Ялуцзяна в Маньчжурию и поселился на землях рода Ваньянь. Несомненно, выйти из Кореи один он не мог, а сделал это со всей своей семьей, слугами и рабами, о чем, кстати, есть намеки в «Цзинь ши» [Малявкин, 1942. С. 42]. Естественно, что к столь почтенному возрасту у него должны были быть одна или несколько жен и дети. На новом месте, ради примирения с домом Ваньянь, он женился на женщине из этого рода, которой было 60 лет [Окладников, Деревянко, 1973. С. 360].

Далее летописи сообщают, что у него родились два сына (старший Улу) и дочь, а от Улу родился Бахай. Здесь в летописи явно вкралась неточность. Представляется маловероятным, чтобы у столь преклонной по годам пары родился хотя бы один ребенок, а тут сообщается о трех детях. Это вызвало недоумение даже у составителей «Цзинь ши», которые, комментируя данный факт, восклицают «Как могло быть без помощи неба?» [Малявкин, 1942. С. 50]. Запись о детях Ханьпу из «Цзинь ши» не следует понимать буквально. И сыновья, и дочь, несомненно, родились не от последней жены, а в более раннее время, когда Ханьпу еще проживал на берегах Ялуцзяна. Иными словами, Ханьпу вышел с территории Кореи со своими детьми и внуками, которые к тому времени уже должны были быть взрослыми людьми. Более того, есть мнение, что Ханьпу был вождем и переселился в Маньчжурию со всем своим племенем [Ларичев, 1974. С. 222]. В летописи сообщается также, что Ханьпу долго жил среди людей Ваньянь и со временем стал вождем этого рода [Малявкин, 1942. С. 42]. Жизнь Ханьпу была настолько долгой, что память об этом сохранилась в его роду. Если учесть, что ему было больше 60 лет, когда он только вышел с территории Кореи, и, кроме того, долго (15–20 лет?) жил среди людей Ваньянь, то он вполне мог дожить до 80 лет и более.

Для сравнения можно отметить, что, начиная с Угуна и заканчивая Уясу, все вожди немирных чжурчжэней умерли своей смертью в возрасте от 51 до 54 лет, да и первый император Агуда прожил только 56 лет. Учитывая большую продолжительность жизни Ханьпу, совершенно не удивительно, если его сын (Улу) и даже внук (Бахай) могли просто не дождаться своей очереди на правление. При таких обстоятельствах они фактически не были вождями в роду Ваньянь и не могли влиять на процессы, ведущие к усилению чжурчжэней. Поэтому об их деяниях ничего и не известно. Несмотря на это, предками последующих правителей они все же являлись. Скорее всего, именно такое положение дел отмечено в их храмовых титулах, заканчивающихся иероглифом 帝 *ди*. Здесь не лишним будет отметить, что и последний чжурчжэньский император (Мо-ди), который практически не успел принять дела в управлении государством, также имеет храмовый титул с тем же самым иероглифом ².

Сыну Бахая Суйкэ летописи приписывают прекращение сезонных кочевок, введение земледелия и начало строительства наземных жилищ. Скорее всего, М. В. Воробьев прав, когда сомневался в том, что в начале XI в. (ориентировочное время правления Суйкэ) чжурчжэни не знали земледелия, и не строили наземные жилища. Но не обязательно так жили все. Немирные чжурчжэни (они же *хэйшуй мохэ*) не были объединены, у них еще не существовало «законов и распоряжений», и каждый род жил так, как ему хотелось. Отголоски периодического перемещения отдельных родов «Цзинь ши» фиксирует даже во второй половине XI в. при Угунае, который обитателей вод Хэлань «приходивших с покорностью целыми толпами, возвращал в прежние их места» [История Золотой империи, 1998. С. 90]. Сам же род Ваньянь,

² Здесь есть основания предполагать, что у чжурчжэней иероглиф 帝 *ди* имел еще какое-то значение и присваивался тем представителям главной ветви правящей династии, которым по каким-то причинам не удалось в полной мере принять бразды правления.

похоже, занимался земледелием еще до прихода Ханьпу, т.к. в приданое новая жена принесла ему свои пахотные земли [Там же. С. 89]. Да и у других родов *хэйшуй мохэ* было развито плужное земледелие [Воробьев, 1994. С. 135]. По обычаям диких чжурчжэней, когда сыновья вырастали, они селились отдельно, покидая дом родителей, но продолжали признавать власть старшего в роде [Воробьев, 1983. С. 33]. Ханьпу, породнившись с родом Ваньянь, получил «пахотные земли». Его сыновья и внуки не могли жениться на женщинах Ваньянь, так как они уже принадлежали к этому роду, а чжурчжэни «на однофамильных не женятся» [Воробьев, 1975. С. 52].

Следовательно, потомки Ханьпу либо должны были искать свое семейное счастье на стороне, либо жить в роду Ваньянь, но без определенного места жительства (вести привычные сезонные кочевки, не предполагающие занятие земледелием). Суйкэ стал вождем Ваньянь после Ханьпу. Значит, он не ушел жить в другой род. Когда же он получил власть, то для более удобного управления родом выбрал себе постоянную резиденцию на р. Альчук, притоке Сунгари [Ларичев, 1964. С. 593].

Переход к оседлости в данном случае относится не к роду Ваньянь вообще, а конкретно к переселенцам из Кореи. В данных условиях заниматься земледелием и строить долговременные наземные жилища стало целесообразно. В этом плане записи в «Цзинь ши» вполне логично вплетаются в историческую канву деяний предков чжурчжэньских императоров. То же самое можно сказать и о преемнике Суйкэ на посту вождей Ваньянь, его сыне Шилу, все, по-видимому, недолгое правление которого было посвящено установлению законов среди ближних и дальних родственников.

Сын Шилу Угунай, родившийся в 1020 г., стал во главе рода Ваньянь около 1040 г. [Воробьев, 1975. С. 42]. В связи с этим, было бы интересно выяснить, могли ли его предшественники «уместиться» по времени в роли вождей Ваньянь.

Летопись «Корёса» сообщает, что местом исхода Ханьпу с территории Кореи был город Пинчжоу [Там же. С. 42], который располагался «в западных пределах страны» [Бичурин, 1960. С. 588], т.е. на левом берегу р. Ялуцзян. Это как раз те места, куда после разгрома государства Бохай кидани переместили несколько тысяч наиболее знатных и сильных чжурчжэньских семей [Кычанов, 1966. С. 272]. До конца X в. перемещенные чжурчжэни проживали на новых местах, пока кидани не решили покорить Корё. Императоры Ляо снарядили целый ряд карательных экспедиций, но особого успеха не добились. Тем не менее, давление киданей продолжалось, и король государства Корё, чтобы обезопасить себя, в 993 г. подписал с Ляо мирный договор, по которому обязался очистить от чжурчжэней левобережье р. Ялуцзян [Воробьев, 1975. С. 37], и предпринял для этого решительные действия. В 994–995 гг. корейское войско под командованием Со Хи покорило часть чжурчжэней и на их территории возвел несколько крепостей [История Кореи, 1960. С. 159]. В результате многие чжурчжэни вынуждены были покинуть территорию Кореи. По всей видимости, именно в середине 90-х гг. X в. Ханьпу со своим младшим братом Баохоли и совершил известный корейский исход [Шавкунов, 2007. С. 62].

Анализ известных дат рождения представителей раннечжурчжэньской знати показывает, что старшие сыновья у потомков Ханьпу рождались, когда их отцам было от 18 до 20 лет. Следовательно, отец Угуная (Шилу) должен был родиться в самом начале XI в., его дед (Суйкэ) – в начале 80-х гг. X в., а прадед (Бахай) – ближе к середине 60-х гг. Как было сказано ранее, Ханьпу прожил в роду Ваньянь около 20 лет. Значит, он умер приблизительно в 1015 г., когда его сыну (Улу) должно было быть под 70 лет, а внуку (Бахаю) – около 50 лет (для того времени оба возраста были достаточно почтенными). Учитывая известные даты жизни их потомков,

предположение о том, что они могли не дожить до конца правления Ханьпу, будет вполне реальным.

Если следовать приведенным выше расчетам, то на долю следующих за Ханьпу двух вождей (Суйкэ и Шилу) приходится около 25 лет правления рода Ваньянь. Это даже больше, чем суммарное время нахождения у власти двух подряд сыновей и внуков Угуная. При этом есть основания полагать, что Шилу и вступил в должность, и умер в достаточно молодом возрасте. По крайней мере, когда он начал вводить свои «законы и распоряжения», еще были живы два его дяди, а его старший сын Угунай заменил отца в возрасте около 20 лет от роду. Да и сами летописи сообщают, что Шилу неожиданно скончался во время возвращения из очередного похода [Малявкин, 1942. С. 43; История Золотой империи, 1998. С. 89].

Таким образом, расклад по времени рождения и сроков правления всех вождей рода Ваньянь, расположенных между Ханьпу и Угунаем, вполне укладывается в среднестатистические данные, имеющиеся по двум последующим поколениям вождей и императоров чжурчжэней. Исключение же из этого списка даже двух персонажей дает основание утверждать, что остальные предшественники Угуная были такими же долгожителями, как и Ханьпу. Это допущение представляется намного менее реальным, чем данные приведенных выше расчетов.

С приведенными логическими построениями прекрасно увязывается следующее обстоятельство. Угунай являлся пятым потомком Ханьпу. Если исходить из того, что между поколениями было в среднем 18 лет, то получается, что между годами рождения обоих вождей должно было пройти около 90 лет ($18 \times 5 = 90$). Если Угунай родился в 1020 г., то Ханьпу мог родиться в 930 г. Наиболее вероятное время его исхода из Пинчжоу относится к 993 г., когда Ханьпу было 63 года, что идеально соответствует сведениям из «Цзинь ши», по которым он переселился на территорию Маньчжурии, когда ему было свыше 60 лет.

Возвращаясь к ближайшим потомкам Ханьпу, следует отметить, что реальность их существования, включая Улу и Бахая, имеет дополнительные подтверждения. Так, в «Цзинь ши» сообщается о присвоении в 1135 г. особых названий для мест захоронения этих, а также других ваньяньских вождей, отмеченных в летописи. Иными словами, чжурчжэни знали о конкретных местах, в которых захоронены конкретные люди, в том числе и Улу с Бахаем.

Таким образом, следует признать, что содержащиеся в летописях письменные данные о первых вождях племени Ваньянь не имеют каких-либо заметных логических противоречий. Если бы родословная предков чжурчжэньских императоров была сознательно фальсифицирована, то составителям «Цзинь ши» пришлось бы очень потрудиться, чтобы избежать в тексте различного рода неувязок. По всей видимости, эта родословная не содержит вымышленных персонажей, и поэтому нет веских оснований сомневаться в ее достоверности.

Список литературы / References

- Бичурин Н. Я. (Иакинф).** Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. 758 с.
Bichurin N. Ya. (Iakinif). Sbranie svedenij po istoricheskoj geografii Vostochnoj i Sredinnoj Azii [Collection of information on the historical geography of East and Middle Asia]. Cheboksary: Chuvashgosizdat, 1960, 758 p. (in Russ.)
- Васильев В. П.** История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий и киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах. СПб., Тип. Имп. академии наук, 1857. 235 с.

- Vassiliev V. P. Istorija i drevnosti vostochnoj chasti Srednej Azii ot X do XIII veka, s prilozheniem perevoda kitajskih izvestij i kidanyah, chzhurchzhenyah i mongolo-tatarah [The history and antiquities of the Eastern part of Central Asia from X to XIII century, with the application translation of Chinese news about Kidan, Jurchen and Mongol-Tatars]. 1857, 235 p. (in Russ.)
- Воробьев М. В.** Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). М.: Наука, 1975. 448 с.
Vorobiev M. V. Chzhurchzheni i gosudarstvo Czzin' (X v. – 1234 g.) [Jurchen and the Jin state (X century – 1234)]. Moscow, Nauka, 1975, 448 p. (in Russ.)
- Воробьев М. В.** Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). М.: Наука, 1983. 368 с.
Vorobiev M. V. Kul'tura chzhurchzhe'nej i gosudarstva Czzin' (X v. – 1234 g.) [The culture of Jurchen and Jin state (X century – 1234)]. Moscow, Nauka, 1983, 368 p. (in Russ.)
- Воробьев М. В.** Маньчжурия и восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). Владивосток: Дальнаука, 1994. 410 с.
Vorobiev M. V. Man'chhuriya i vostochnaya Vnutrennyaya Mongoliya (s drevnejshih vremen do IX veka vkluchitel'no) [Manchuria and Eastern Inner Mongolia (from ancient times till the IX century inclusive)]. Vladivostok, Dal'nauka, 1994, 410 p. (in Russ.)
- История Золотой империи / Пер. Г. М. Розова, коммент. А. Г. Малявкина. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 288 с.
Istorija Zolotoj imperii / Per. G. M. Rozova, komment. A. G. Malyavkina [History of the Golden Empire]. Novosibirsk, Institut Archaeologii i Ethnografii SO RAN, 1998, 288 p. (in Russ.)
- История Кореи. Т.1. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 418 с.
Istorija Koreyi [History of Korea]. Moscow, Izd. inostr. lit., 1960, Vol. 1, 418 p. (in Russ.)
- Кычанов Е. И.** Чжурчжэни в XI веке // Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск, 1966. Вып. 2. Сибирский археологический сборник. С.269–281.
Kuchanov E. I. Chzhurchzhe'ni v XI veke [Jurchen in the XI century] // Materialy po istorii Sibiri. Drevnyaya Sibir'. Novosibirsk, 1966, Sibirskij arheologicheskij sbornik, Vip. 2, p. 269–281. (in Russ.)
- Ларичев В. Е.** История чжурчжэней (XI–XII вв.) // Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964. С.579–637.
Larichev V. E. Istorija chzhurchzheney (XI–XII v.) [History of Jurchen (XI–XII centuries)] // Materialy po drevnej istorii Sibiri. Ulan-Ude, 1964, p. 579–637. (in Russ.)
- Ларичев В. Е.** Тайна каменной черепахи. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 254 с.
Larichev V. E. Tajna kamenoj cherepahi [The mystery of stone tortoises]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd., 1966, 254 p. (in Russ.)
- Ларичев В. Е.** Навершие памятника князю Золотой империи (Уссурийск, Приморье) // Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4. Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 205–224.
Larichev V. E. Navershie pamyatnika knyazyu Zolotoj imperii (Ussurijsk, Primorye) [The finial of the monument to the Prince of the Golden Empire (Ussuriysk, Primorye)] // Materialy po istorii Sibiri. Drevnyaya Sibir'. Bronzovy'j i zhelezny'j vek Sibiri. Novosibirsk, Nauka, 1974, Vip. 4, p. 205–224. (in Russ.)
- Малявкин А. Г.** Цзинь-ши // Сборник научных работ пржевальцев. Харбин: 1942. С. 41–58.
Malyavkin A. G. Czzin'-shi [Jin-Shi] // Sbornik nauchnyh rabot przhevalcev. Harbin: 1942, p. 41–58. (in Russ.)
- Окладников А. П.** Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959. 292 с.
Okladnikov A. P. Dalekoe proshloe Primorya [The distant past of Primorye]. Vladivostok, 1959, 292 p. (in Russ.)
- Окладников А. П., Деревянко А. П.** Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1973. 440 с.
Okladnikov A. P., Derevyanko A. P. Dalekoe proshloe Primor'ya i Priamur'ya [The distant past of Primorye and the Amur region]. Vladivostok, dalnevostochnoe knizhnoe izd., 1973, 440 p. (in Russ.)

Шавкунов В. Э. Елань эпохи чжурчжэней // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2007. № 5. С. 57–64.

Shavkunov V. E. Elan epohi chzhurchzhe`nej [Elan of the era of the Jurchen] // Bulletin of DVO RAN. Vladivostok, 2007, № 5, p. 57–64. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

14.06.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Шавкунов Владимир Эрнстович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории археологии Приамурья Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Пушкинская 89, Владивосток, 690001, Россия, vshavkunov@yandex.ru)

Vladimir E. Shavkunov, Candidate of Science (History), senior research associate of the Laboratory of archaeology of the Amur region, Institute of history, archeology and ethnography of the peoples of the Far East FEB RAS (89 Pushkinskaya Str., Vladivostok, 690001, Russian Federation, vshavkunov@yandex.ru)